

ПРИЗВАНИЕ—БЫТЬ КАСКАДЕРОМ

Всадник на вороном коне вылетает из форганга и, разрывая собственным телом слова «Хасан-бек», изображенные на бумаге, которой оклеена специальная рамка, сразу же делает «свечку» — ставит коня на дыбы...

А потом на манеже вдруг сразу становится тесно: новые всадники показывают чудеса джигитовки, то срываясь с кула лошади до самой земли, то снова птицей взмывая в седло. И все это в ошеломляющем, ни на мгновение не затухающем темпе. Вот чуткие, напряженные, как струны, тела джигитов поочередно ныряют под бешено скачущих коней, чтобы оказаться в седле уже с другой стороны. Своеобразным кольцом они вращаются вокруг шедящего вдоль барьера скакуна и руками поднимают с арены «случайно» упавшую папаху. Вот засверкали загнутые сабли под легкий свист знаменитой дамасской стали змий кукорачиваются гибкие ветки лозы. Не успели зрители перевести дух, как в дело вступили виватки. Из самых неожиданных положений джигиты поражают цель...

Всего двенадцать минут длится аттракцион «Картины Кавказа», руководит и выступает в котором народный артист Северо-Осетинской АССР Хасанбек Кантемиров. Всего двенадцать минут. Но глядя на те сюрпризы и неожиданности, которые щедро дарит зрителю эта труппа, любящая на коней, летящих будто по воздуху, приходишь к выводу о том, как были правы французские журналисты, выразившие свое мнение об искусстве Кантемировых так:

— Наконец-то появились наряду мифологические кентавры, которых так не хватало в программах нашего цирка. Они принесли с собой самое быстрое движение и самые яркие краски. Парижане стоя аплодировали им все 12 минут...

Насадников Кантемировых знают в столицах и крупных городах Австрии, Дании, Венгрии, Болгарии, Англии, Испании, Швейцарии, Франции, Италии и других стран, где они выступали. Им довольно часто приходилось сниматься в кино в роли каскадеров, выполнять опаснейшие трюки. Чем же привлекает их эта работа?

— Возможность лишней раз доказать, что ты мужчина, — улыбается Хасан-бек. — Что у любого человека очень много скрытых резервов, которые он может проявить, исполняя желания сценариста и режиссера постановщика. А потом — разве неинтересно проверить правильность собственных расчетов?

Признаюсь, последняя фраза меня несколько смутила. Да, я знал, что Хасан-бек окончил два института — физической культуры и театральный, ГИТИС, что у него уже полностью готова к защите диссертация «Художественно-производственный процесс в цирке» и скоро мой собеседник станет первым в мире джигитом — кандидатом наук. Все это так. Но готовить трюк не с машиной, не с человеком, с животным! Можно ли полностью рассчитывать на него?

— Разумеется, — Хасан-бек, казалось, даже не удивился мо-

ему вопросу. — Знаете, известный французский укротитель Джильбер Хук, как-то сказал такую фразу:

— Во всех несчастиях, которые происходят с укротителем, виноват только он сам.

Так вот, перефразируя слова Хука, можно утверждать: в несчастном случае, происшедшем с джигитом, виноват лишь он.

Припоминаете, в кинофильме «Лично известен» есть такие кадры. На баррикаду, защитниками которой командует Камо, во весь опор мчатся конные жандармы. И вдруг залп. На полном скаку на укатанную, как асфальт, мостовую, вместе с лошадьми летят сразу три всадника. Так вот. Мы (в качестве жандармов снимались Ирбек, Мухтар-бек и я) упали именно в той точке, которую указал нам режиссер. Ни метром дальше, ни метром ближе. И никаких повреждений, только легкие царапины! А все потому, что, во-первых, очень точно было определено время, когда надо было подсесть специальной веревкой ноги нашим коням, а во-вторых, падали мы по заранее разработанной методике.

— Хотя, — Хасан-бек громко и заразительно смеется, — делать дубль этого трюка, честно говоря, у нас желания не было. Так что для исключения всякого рода случайностей нас снимали сразу на три камеры, а в переулке поджидала машина «Скорой помощи»...

Берусь утверждать: элемент риска постоянно присутствует в работе каскадера, он не дает ему возможности расслабиться, хотя бы на мгновение. Опасность всегда с ним рядом, она словно разлита в воздухе. Вспомним хотя бы фильм «Смелые люди».

В сценарии было предусмотрено немало сложнейших кино-акробатических трюков, требовавших отточенного мастерства от наездников и высокого искусства дрессировки.

В этом фильме Хасан-бек и Ирбек под руководством отца впервые в нашей стране разрабатывали и выполнили такую рискованную сцену, как падение лошади через голову вместе с всадником. Причем техника их исполнения была столь виртуозна, что практически исключала опасность.

Тем неожиданнее для меня был ответ Хасан-бека на вопрос, чем запомнились ему те съемки.

Оказывается, когда искалась съемочная площадка для одного из эпизодов, артисты нашли тело 72-летнего старика-почтальона, замерзшего в горах. Рядом с ним стояла лошадь, столь истощенная, что походила на скелет. Целый месяц и шесть дней ходил возле хозяина его верный друг, питаясь прошлогодней травой, которую выкапывал копытами из-под снега. По следам было видно, что не раз и не два наведывались сюда волки, но уходили с чем. Всякий раз их отгоняло копытами умное животное. И дождалось-таки людей...

— Представляете, — говорит Хасан-бек, — какой друг живет с нами рядом? И как мне жаль тех людей, которым не дано понять этой истины.

Завязтые конники считают, — продолжает Кантемиров, — что подлинный артистизм в управ-

лении лошадей — это таинство, доступное лишь избранным. Можно знать все про лошадей и езду, говорят они, и все-таки терпеть неудачи. Отчасти это так. И тем не менее опыт, накопленный за десятки лет и неподдельными наездниками, и цирковыми артистами, позволяет утверждать, что есть приемы, навыки, из которых складывается искусство дрессировки и управления лошадей, доступное не только «избранным».

— Есть, конечно, так называемое «чувство лошади», — задумчиво говорит Хасан-бек. — У одного коня идет, как метроном, ровно, без ошибок: будто между ним и наездником токи какие-то циркулируют. У другого — ничего не получается. Почему? Потому что седок не понимает своего четвероногого друга, не верит ему. В нашем же деле без этого нельзя. Хотите пример?

Во Львове снималась кинокартина «Иван Франко». По сценарию требовалось, чтобы десяток с небольшим жандармов на рыси ворвался в толпу демонстрантов и, толкая конями упавших, начал разгонять их. Естественно, «роли» лежащих людей должны были исполнять каскадеры, то есть мы. Под «жандармами» были наши лошади, подкованные на передние ноги. И что вы думаете: в суматохе и суматохе никто из нас даже не получил царапины.

— Хасан-бек, вашу чисто мужскую труппу украшает женщина-джигит, ваша дочь Каджана. Каким был ее путь на арену?

— Самым обычным, — лукаво шурит брови Кантемиров-старший. — Кочевая жизнь заставила Каджану учиться в 53 разных школах, но не помешала ей окончить десятилетку с золотой медалью. Следуя моему примеру, дочь заканчивает режиссерское отделение ГИТИСа с отличием.

Как она попала в труппу? Ну, наверное, более уместно было бы спросить, как она могла не попасть к нам, с малых лет привыкнув к лошади и уже в 13 лет умея делать сложнейший трюк: пролезать под брюхом коня на полном скаку. А джигит есть джигит, неважно с косичками он или без...

Когда отгремят зрительские аплодисменты — лучшая награда для циркового артиста, свидетельство на совесть сделанной программы, люди и кони успокоятся не скоро, все будут переживать и свои удачи, и свои промахи.

А рано утром — снова работа. И не только репетиции. Как и его отец, все горское конное снаряжение Хасан-бек шьет своими руками, украшает бронзовыми и серебряными бляхами, оковывает вместе с сыновьями деревянные ленточки сидел. И все это для того, чтобы вечером, придя в цирк, зритель был покорен гордым и бесстрашным искусством джигитовки, возраст которого насчитывает уже несколько тысяч лет.

Хотите полюбоваться древним и вечно юным мастерством настоящих джигитов? Приходите смотреть новую цирковую программу. Не пожалеете.

В. ЖУРАВЛЕВ.